

Жан-Клод Мурлева

ДЖЕРФЕРСОН

Рисовала Вика Попова

Жан-Клод Мурлева

Джефферсон

«Альбус Корвус»

2018

Мурлева Ж.

Джефферсон / Ж. Мурлева — «Альбус Корвус», 2018

ISBN 978-5-00114-166-2

Однажды еж по имени Джефферсон решил подровнять хохолок. Казалось бы, в этом нет ничего необычного. Но в парикмахерской произошло убийство и – о ужас! – теперь все считают, что убийца это он. И вот, чтобы снять с себя ложное обвинение, Джефферсон отправляется в жестокий мир людей, где его ждут страшные приключения.

ISBN 978-5-00114-166-2

© Мурлева Ж., 2018
© Альбус Корвус, 2018

Содержание

Примечание	6
1	8
2	15
3	20
4	24
5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жан-Клод Мурлева Джефферсон

Jean-Claude Mourlevat
Jefferson

© Gallimard Jeunesse, 2018

© В. Попова, иллюстрации, 2019

© Н. Шаховская, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

* * *

Примечание

Моим детям, которые открыли мне глаза.
Ж.-К. М.

*Моим детям, которые
открыли мне глаза.*

Ж.-К. М.

Страна, в которой началась эта история, населена животными, которые ходят на двух ногах, говорят, могут брать книги в библиотеке, влюбляться, отправлять эсэмэски и ходить в парикмахерскую. Соседняя страна населена людьми, самыми умными из животных.

1

Молодой еж Джефферсон Бушар де ла Потери завершал уборку своего жилища, напевая что-то вроде «пам-пам-пам... пам-пам-пам-пам...» – просто так, от хорошего настроения. Наведя полный порядок, стряхнув в окно пыль с веника и повесив на гвоздь совок, он настроил духовку так, чтоб картошка в сметане была готова к его возвращению. Потом надел пиджак,

застегнул его на среднюю пуговицу – при этом отметил, что ткань сборит из-за выпятившегося брюшка. Надо будет поменьше налегать на печенью.

Он опрыскался туалетной водой «Подлесок», зашнуровал свои до блеска начищенные ботинки, ставя по очереди ноги – правую, потом левую – на предназначенный для этого табурет в прихожей, вскинул на плечи рюкзачок и вышел из дому. Радостно ему было в это утро из-за сущей малости: он решил пойти подстричься. Когда он умывался поутру, ему вдруг бросилось в глаза, каким растрепанным стал его хорошенький хохолок. А он терпеть не мог выглядеть неаккуратно. Так что вот: он пойдет в город подровнять прическу.

А заодно вернет в библиотеку книгу, которую взял на прошлой неделе, – приключенческий роман «Один на реке». Действие разворачивалось на реке Ориноко, и молодой герой по имени Чак (человек) отважно преодолевал всевозможные испытания. Одиночество, голод, жажда, москиты, индейцы, тропические ливни, изнуряющая жара, дикие звери – все ему было нипочем.

Подоткнув одеяло до подбородка, с чашкой травяного чая на ночном столике, Джефферсон воображал себя Чаком и время от времени ловил себя на том, что в напряженные моменты стискивает кулаки и таращит глаза. Во всяком случае, две ночи подряд он зачитывался до утра. Особенно его восхитил эпизод, где Чак, заблудившись в лесу, ищет дорогу, используя «метод звезды». Выбираешь наугад направление, идешь прямо пятьдесят шагов, а если ничего не находишь, возвращаешься к исходной точке и пытаешься счастья в другом направлении. Еще ему понравился драматический момент, когда изголодавшийся Чак решает убить и съесть свою собаку, чтобы выжить, но в последний момент ему становится ее жалко, и он, разрыдавшись, оставляет бедняжку в живых. (Тут Джефферсону пришлось вытащить из-под подушки носовой платок и вытереть глаза.) Дальше собака спасает жизнь Чаку, воздавая ему добром за добро. (На этом месте Джефферсон снова прослезился. Когда живешь один, в этом есть свои преимущества: можно петь как угодно громко и фальшиво, расхаживать голым, есть когда захочется и плакать в свое удовольствие.)

В то осеннее утро все так и сияло. Джефферсон запер дверь, положил ключ в левый карман штанов, достал из правого кармана мобильник и отправил такую эсэмэску: «Дорогой Жильбер, утром не приходи. Ушел в город подровнять хохол в “Чик-чик”. Буду ок. 12. Картошка в духовке. Если не возражаешь... Чао-какао».

После чего с легким сердцем пустился в путь. Чего еще надо в жизни? Все у него было: крепкое здоровье, крыша над головой, еды вдоволь, замечательный друг Жильбер, и жил он в самой что ни на есть восхитительной местности, на опушке букового леса.

Город был недалеко. Несколько минут ходу вдоль опушки, потом вниз по тропинке через заросли смородины – и пошла петлять большая дорога... По ней Джефферсон и зашагал. И потому ли, что мыслями он все еще был с Чаком на берегах Ориноко, потому ли, наоборот, что уже воображал себя в нежных руках Кароль, молодой помощницы парикмахера, которая скоро будет мыть ему голову шампунем перед стрижкой, – как бы то ни было, он сунулся переходить дорогу в неподходящем месте, прямо перед крутым поворотом.

Машина вылетела на него со стороны города на скорости более ста двадцати километров в час. В ней сидели двое – Джефферсон успел их разглядеть. Это были люди. Водитель – очень худой, бритый наголо и такой длинный, что ему, похоже, пришлось сложиться в несколько раз, чтобы втиснуться в кабину. Пассажир, куда более мощного телосложения, был в вязаной шапке и выставил локоть в открытое окно. Водитель вдавил тормоз, шины завизжали по асфальту. Джефферсон, отчаянно пискнув, отпрянул назад и упал навзничь в кювет. Внедорожник занесло, и пассажир изрыгнул в окно нечто, начинающееся с «чтоб тебе, еж...» и кончающееся определением, которое лучше здесь не приводить.

– Сам такой! – огрызнулся себе под нос Джефферсон.

Он проводил глазами машину, которая прибавила скорости и скрылась из виду. Встал, отряхнулся, обследовал промокшие на задку штаны и подумал, не вернуться ли домой переодеться. Поразмыслил – и поленился тащиться обратно. «На ходу обсохнет!» – решил он. Тем более если в первую очередь зайти в библиотеку. Тогда перед Кароль он сможет предстать уже сухим, и она не подумает... что-нибудь не то. Между тем он с неудовольствием заметил, что сердце у него все еще так и колотится. Это ведь и впрямь было потрясение. Еще бы несколько сантиметров – и гуд-бай, ежик! Так-то она и идет, жизнь: вот ты ей радуешься, легко и беззаботно, а в пять секунд все летит кувырком. «Счастье – штука хрупкая», – заключил он и заставил себя думать о другом.

В город он вошел, успев вновь более или менее обрести бодрость духа, и уже насвистывал, шагая по главной улице и сворачивая налево у фонтана. В городской библиотеке его давно знали, и все, кто там работал, приветствовали его веселым «Добрый день, Джефферсон!».

– Понравилась книга? – спросила библиотекарша, милая уточка, носившая очки в форме сердечек, когда он выложил на стойку «Один на реке».

Он вспомнил, что это именно она посоветовала ему эту книгу.

– Понравилась? О нет!.. – начал он.

Потом, увидев, как она переменялась в лице, и не желая больше ее дразнить, договорил:

– Понравилась – не то слово, я от нее без ума. Кстати, вам спасибо за совет, а я посоветую ее прочитать моему другу Жильберу.

– Ой, а я было испугалась, господин Джефферсон, – сказала библиотекарша краснея. – Ну и удивилась тоже – я была уверена, что приключения Чака должны вас увлечь. Если хотите, можете прямо сейчас снова взять книгу, тогда вы сами передадите ее вашему другу.

Он поблагодарил, порылся еще некоторое время на полках, а потом как бы невзначай пристроился бочком к батарее, листая какой-то журнал. Через полчаса он покинул библиотеку – «Один на реке» по-прежнему лежала у него в рюкзаке, а штаны почти высохли.

Парикмахерская «Чик-чик» располагалась в конце той же улицы. Это было скромное заведение, работающее по старинке, где обслужить могли не более трех клиентов зараз. Хозяин, Эдгар, флегматичный добродушный барсук, обладал, на взгляд – или, вернее, на слух – Джефферсона, одним неоценимым и для парикмахера редким достоинством: он умел стричь молча.

Так что Джефферсон уже который год ходил в «Чик-чик» в полной уверенности, что его не заговорят до одурения. Он одернул пиджак, приосанился, сделал несколько глубоких вдохов и прочистил горло. А что, если пригласить Кароль выпить с ним по стаканчику после работы? А ведь неплохая мысль. Даже превосходная. Он воспользуется моментом, когда господин Эдгар отойдет, например, к телефону, и решится: «Послушайте, Кароль, а вы до скольких работаете? Понимаете, я вот подумал, то есть мне тут в голову пришло, ну, я хочу сказать... может, вы...»

Она была племянницей господина Эдгара, и тот, видя, что стареет, взял ее в помощницы. Джефферсон чувствовал себя на вершине блаженства, когда она мыла ему волосы шампунем, массировала голову легкими пальчиками. Он чувствовал себя на вершине блаженства, когда она спрашивала, не горяча ли или не холодна ли вода. Впрочем, какова бы ни была температура воды, он отвечал, что все отлично. Она могла бы хоть заморозить его, хоть обварить – он стерпел бы, не пикнул. Удобно устроившись на подкладном сиденье, необходимом ввиду его малого роста, он закрывал глаза и млея, воображая, что она – его невеста. Потому что в одинокой жизни, как уже было сказано, есть, конечно, свои преимущества, но иногда бывает именно что... немножко одиноко.

Экая неожиданность: дверь, как ни поворачивай ручку, не открывалась, а между тем надпись «Чик-чик» над входом светилась и мигала, и металлическая штора была поднята.

Он попытался разглядеть что-нибудь сквозь занавески. Свет в салоне горел. Под сушильным колпаком спала коза почтенных лет в пластиковой шапочке. Все выглядело совершенно нормально, вот только парикмахера, господина Эдгара, не было видно, так же как и Кароль. Джефферсон постучал в окошко и подождал. Потом постучал погромче – без всякого результата – и, вспомнив, что сзади есть еще окно, решил обойти дом.

Обе створки этого окна оказались нараспашку, но влезть в него было бы правонарушением, а Джефферсону ничто так не претило, как нарушать закон. Он всегда старался вести себя безупречно, отчасти из чувства гражданского долга, но больше, честно признаться, ради собственного спокойствия. Вот почему он вернулся ко входу, еще постучал и, видя, что никто не отзывается, покорно побрел прочь.

Далеко отойти ему не позволила совесть. А вдруг что-то случилось?.. А вдруг Кароль в опасности! При мысли, что можно тем или иным образом отличиться перед юной барсучихой, он развернулся и пошел обратно. Через две минуты он снова оказался позади дома перед открытым окном.

– Господин Эдгар! Мадемуазель Кароль! – позвал он и, поскольку никто не отвечал, собрался с духом и полез в окно, рискуя порвать пиджак.

Он оказался в задней комнате, заставленной всевозможными флаконами, коробочками, пенками, шампунями и прочими лосьонами для волос. Единственными звуками, доносившимися из салона, были звуки местного радио. Какой-то настырный голос призывал слушателей срочно сделать платный звонок по такому-то номеру, в результате чего они, если очень повезет, не выиграют ровным счетом ничего. Джефферсон медленно двинулся вперед и еще раз окликнул:

– Господин Эдгар? Мадемуазель Кароль? Это я, Джефферсон. Я позволил себе...

Коза под колпаком спала крепким сном, из ее полуоткрытого рта с безупречной вставной челюстью медленно сползала на подбородок нитка слюны. Казалось, она совсем уплыла в сладостные грезы. Быть может, ей снились ее правнучата-козлята.

Джефферсон обогнул ближайшее парикмахерское кресло, никем не занятое, – и первым, на что упал его взгляд, были кремовые туфли господина Эдгара, обращенные носками к потолку. Обознаться он не мог: это были профессиональные туфли, которыми добряк всегда хвалился, утверждая, что в них ноге свободно, «как в тапочках». Еще шаг – и Джефферсон увидел ноги, параллельно вытянутые на полу, дальше белый халат, аккуратно застегнутый снизу доверху, а дальше – большие ножницы, одна половина которых была воткнута в грудь господина Эдгара.

Большое кровавое пятно на белом халате по форме напоминало карту острова Мадагаскар. Вышитая на халате надпись «Чик-чик» прямо над пятном выглядела злой насмешкой. Казалось, господин Эдгар, как и его клиентка, спит – но ему не снились никакие козлята, ему вообще ничего не снилось. Он был мертв.

Вплоть до этого дня жизнь милосердно оберегала Джефферсона. Никогда еще он не испытывал подобного потрясения, так что реакция его оказалась довольно любопытной. Сперва у него перехватило дыхание, потом он издал странный звук вроде:

– Х-х-х... к-кр-р-ре-е-е-екс... – что можно перевести примерно как: «Ну, ничего себе! Что я вижу?!»

А потом:

– Б-бр-р-р... Хр-р-р-р-рик! У-у-у-уй-я-а-а! – что означало примерно следующее: «Кажется, он умер не своей смертью. По-моему, это самое настоящее убийство».

И закончил протяжным и жалобным:

– И-и-и-и-и-ой-ой-ой! – которое можно было приблизительно истолковать как: «Что ни говори, зрелище не из приятных!»

А потом он сделал то, чего ни в коем случае не следовало бы делать: опустился на колени около тела, прошептал: «Сейчас, господин Эдгар, сейчас я это выну...» – взялся правой рукой за ножницы и выдернул их из раны, удивившись, как это оказалось трудно. Если кто думает, что извлечь лезвие из пронзенного тела – все равно что из куска масла, то ошибается: оно сидит крепко!

Этот момент и избрала коза, чтобы пробудиться от сладкого сна, и то, что она увидела, – а именно труп господина Эдгара на полу, а рядом преступника с оружием в руке – не оставляло места сомнению. Она разинула рот во всю ширь и испустила такой пронзительный вопль, что ближайшее зеркало треснуло:

– А-А-А-А-А-А-А-А! Помогите! А-а-а-а-а! Убива-а-а-а-а-ют!

Джефферсон выронил ножницы.

– Да нет, мадам, это не я! Я только вошел и...

Договорить ему не удалось: коза завопила еще громче. Видно было, как вибрирует язычок у нее в глотке.

– Он убил господина Эдгара! И меня сейчас убьет! А-а-а-а-а-а!

Джефферсон умоляюще стиснул руки:

– Да нет же, мадам, клянусь вам...

Она сорвала колпак и шапочку, обнажив накрученные на бигуди фиолетовые волосы. Метнулась к двери, яростно задергала ручку, но дверь не открылась. Старая коза не стала тратить время на размышления. Уверенность, что она заперта в тесном помещении, как в ловушке, наедине с убийцей, придала ей сил. Отступив метра на два для разбега, она врзалась в дверь плечом вперед, как заправский регбист. Дверь вылетела с первого же удара, коза приземлилась на четвереньки, вскочила, как на пружинах, и помчалась прочь во всю прыть, на какую способны были ее короткие ноги. На бегу она не переставала вопить:

– Вон он! Вон он, уби-и-и-и-йца! – указывая пальцем на Джефферсона, который стоял в дверях и твердил: «Да нет же, не я!» – но куда было его голоску против козы с ее луженой глоткой.

Когда Джефферсон увидел, что на ее вопли отреагировали двое молодых козлов и теперь направляются к нему – поначалу шагом, а вот уже и рысью, – он подчинился старому как мир рефлексу: спастись бегством. Иначе говоря, он пустился наутек, дал стрекача, сделал ноги – назовите это как угодно. Никогда в жизни он так не бегал. Он чувствовал, что ноги под ним двигаются, словно шатуны гоночной машины. От страха у него выросли крылья, да он и вправду испытал ощущение полета, перемахнув одним прыжком щит с надписью «ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ» и яму шириной метра в три. Его преследователям пришлось идти в обход, что дало ему решающую фору. Один из них крикнул вслед: «Стой, Джефферсон!» – но он не замедлял бега, сворачивая направо на каждом углу, чтобы сбить погоню со следа.

Инстинкт – в сочетании, надо признать, с чертовским везением – привел его на какой-то пустырь, где он смог наконец притормозить, укрыться от посторонних глаз. Он привалился к забору, утонувшему в крапиве и бурьяне, – сердце готово было лопнуть, легкие горели огнем. И тут он осознал, что в своем бегстве не переставал приговаривать: «Это не я, это не я...» Он замолчал, переждал несколько минут и, когда окончательно отдышался, повторил:

– Это не я.

Потом заметил, что штаны у него опять мокрые, и на сей раз не от воды. Должно быть, это случилось в тот миг, когда он обнаружил труп. Понятное дело – испуг, шок. Джефферсон чуть не расплакался от стыда. Как повел бы себя Чак, окажись он в таком положении? Не успел он задать себе этот вопрос, как тут же сам на него и ответил: Чак не оказался бы в таком положении.

2

Джефферсон рискнул глянуть одним глазком в щель забора и увидел, что прямо тут, рукой подать, начинается загородная местность. Конечно, идти в открытую по дороге и думать нечего. А вот стоит ему добраться, например, вон до тех зарослей орешника – и можно срезать путь по полю, а потом лесом. Дома он сообразит, как быть. Первоочередная задача – оказаться в убежище, чтобы все обдумать. Он подбодрил себя энергичным «Держись, ежик!» и полез в дыру между досками.

Не прошло и двадцати минут, как он уже завидел в конце лесной тропинки заднюю стену своего дома – и тут в кармане у него завибрировал мобильник. На экране нарисовалась жизнерадостная рожа свина Жильбера, а потом текст: «Здорово толстяк... Не знаю где ты шас... но домой нехади».

Джефферсон читал на ходу, но тут остановился как вкопанный и набрал:

«Я уже почти дома. Как раз подхожу».

Ответ последовал незамедлительно:

«Незашто непадхади. Давай абратной в лес. Жди моево...»

Джефферсон не знал, почему Жильбер не успел закончить фразу, но суть была ясна: лучше здесь не задерживаться. Так что он развернулся и пошел обратно по той же тропинке. Когда домой нельзя, потому что это опасно, – испытать такое на собственном опыте не дай бог никому, потому что, вообще-то, где же искать убежища, как не дома? Что может угрожать ему в собственном доме? Жандармы? Уже? Жалобно постанывая «О нет, о нет...», он медленно брел, готовый шмыгнуть в кусты, чуть кто-нибудь покажется навстречу.

А ведь день так хорошо начинался! И вот обернулся кошмаром. Сначала этот ужас в парикмахерской – милый, славный господин Эдгар с собственными ножницами в груди, Кароль исчезла, а в довершение несчастья эта дура-коза, которая не дала ему и слова сказать. Он теперь преступник, чья вина неоспорима, застигнутый на месте преступления, уличенный, и его бегство – лишнее тому подтверждение. Коза видела его своими глазами, она видела его с оружием в руках, да, впрочем, полиция и так живо обнаружит отпечатки пальцев на ножницах и выяснит, что они принадлежат ему. Уже завтра его фотография появится на первой полосе «Рупора» под броским заголовком аршинными буквами: «УБИЙЦА!» и соответствующий текст:

«Еж Джефферсон Бушар де ла Потери убил всеми уважаемого барсука господина Эдгара прямо на его рабочем месте, в парикмахерской “Чик-чик”. Мотивы этого чудовищного злодеяния неизвестны. Убийца скрылся с места преступления».

Так безрадостно оценивал он свое положение, и тут мобильник снова завибрировал. Жильбер! Если откуда-то и могло прийти утешение, то, ясное дело, от него. Они дружили с самого детства, прямо как братья, даже больше чем братья, потому что сами друг друга выбрали.

Эсэмэска гласила: «Здорово, толстяк. Есть новости. Встретимся в 13 ч. у креста, окей?»

Джефферсону, который последние два часа пребывал в страшном напряжении, заметно полегчало; он был тронут. Какой Жильбер молодец, на него всегда можно положиться! Он поспешил ответить: «ОК» – и добавил: «Еще 3 просьбы: 1. принеси мне штаны на смену. 2. не спрашивай почему. 3. не спрашивай почему не спрашивать».

Потом прибавил шагу. Крест стоял на пересечении двух дорог всего в нескольких минутах ходу.

Но пока он шагал так, немного воспрянув духом, у него начали возникать сомнения. Сперва это был маленький тревожный звоночек, едва различимое «бип-бип...». Что-то в эсэмэске Жильбера было не так. Джефферсон остановился и перечитал внимательнее. «Здорово,

толстяк» – в этом, пожалуй, не было ничего подозрительного, но дальше возникали вопросы. Жильбер наверняка не написал бы «в 13 ч.», он написал бы «в час». И заключительное «окей» было не из его словаря, он бы написал или «Хор», или «ОК». Да, странно...

Чем мучиться сомнениями, Джефферсон решил сделать встречный ход. Если мобильник Жильбера оказался в чужих руках, например у жандармов, надо было это проверить. Он набрал: «У креста? Где в детстве мы с тобой закопали шарики?»

Не прошло и полминуты, как последовал ответ: «Да, там, где мы их закопали, когда были маленькие. Подгребай!»

И тогда первый тревожный звоночек мигом превратился в полноценный сигнал тревоги, так что завыли все сирены. Во-первых, потому что никогда Джефферсон с Жильбером не закапывали у креста никаких шариков, а во-вторых, из-за теории вероятностей. В самом деле, можно признать возможными самые невероятные вещи: что один и тот же человек три раза подряд выигрывает в лотерею или что папа римский на досуге прыгает через скакалку, но есть такое, что абсолютно невозможно – а именно чтобы свин Жильбер правильно расставил запятые. С пунктуацией у него был полный караул, и поставить запятые перед «где» и «когда» он не сподобился бы, хоть убей. Что касается залихватского «Подгребай!», подделки под молодежный сленг, то оно никого не могло обмануть: Жильбер этого сообщения не писал!

Джефферсон, испуганный своим открытием (но отчасти и гордый тем, что его сделал!), решил подобраться-таки к условленному месту. И посмотреть, кто там окажется. А пока – никаких эсэмэсок, не то сразу засекут. Сколько преступников таким образом себя выдали! С тем же успехом можно нацепить кислотно-зеленый костюм и орать в мегафон: «Я тут!»

Когда до креста уже было рукой подать, он свернул с дороги и шустро и бесшумно прокрался сквозь высокие папоротники.

Темно-синие мундиры резко выделялись на фоне зелени, и Джефферсон вовремя заметил неподвижные спины двух жандармов, затаившихся в засаде. Громادных догов, разумеется, потому что жандармский корпус состоял преимущественно из них. На поясе у каждого висели наручники и дубинка. Итак, он не ошибся, эсэмэска оказалась ловушкой, которую он мастерски разоблачил. Он передвинулся правее и обнаружил еще одного жандарма, укрывшегося за сухим деревом, потом еще одного. Сколько же их собралось, этих здоровенных держиморд, чтобы схватить его, такого маленького (всего-то семьдесят два сантиметра вместе с каблуками) и к тому же ни в чем не повинного?

Если они посадили Жильбера у подножия креста в качестве приманки, не стоит соваться прямо волку в пасть, чтобы это проверить. Но если его оставили на свободе, где его теперь искать?

На этот счет у Джефферсона была одна мыслишка. И если повезет, Жильберу она тоже должна прийти в голову. В свое время они вдвоем построили себе хижину из сучьев и веток далеко в лесу, в самой глуши. Лет семь-восемь назад. Джефферсон был тогда еще ежонком, у которого иголки едва затвердели, а Жильбер – розовым поросеночком, но они упорно трудились над своей постройкой несколько месяцев, вкладывая в работу всю душу. Эта хижина стала их убежищем, их тайным штабом. Там они выкашливали свою первую сигарету, там страдали от дурноты, впервые глотнув виски, там отрывались, слушая кабаний рэп (самый крутой). Там они спали, ели, помирали со смеху, преобразовывали мир. Если существовало на свете тайное убежище, раз и навсегда условленное место встречи в трудный час, о котором и сговариваться не надо, то было оно ни у какого не у креста – ха! ха! ха! не смешите меня! – а только там: в их хижине!

Джефферсон без труда нашел к ней дорогу – ноги сами несли его привычным путем, – но, когда он увидел хижину, сердце у него упало. Крыша провалилась, стены еле держались, внутри все заросло колючками. И, что хуже всего, Жильбера там не было. Джефферсон посмотрел на мобильник: 14:15. Тут он заметил, что до смерти проголодался и до смерти хочет пить. Он сел на пень, чувствуя себя довольно-таки несчастным.

«Не надо мне было убежать, – думал он, – надо было повалить на пол эту истеричку-козу, прежде чем она вышибла дверь, и самому вызвать жандармов. Пойду и сдамся, вот что, сдамся и объясню, как все было на самом деле». Он принялся репетировать свою речь, вслух и со всей убедительностью, на какую был способен: «Сначала я увидел ноги господина Эдгара, понимаете, я подошел поближе... встал на колени около него... эта дама, коза, она спала, она ничего не видела... нет-нет, я ее не обвиняю, она и правда подумала... но клянусь вам... зачем бы я стал это делать?.. Я очень любил господина Эдгара... он всегда был ко мне...»

Так он взывал в пустоту, путаясь в аргументах, как вдруг из ближних зарослей до него донесся какой-то шорох. Он плюхнулся ничком и припал к земле. Раздавшийся затем посвист – три короткие высокие ноты: «Фью-фиу-фью...» – успокоил его. Он ответил таким же «фью-фиу-фью...». Их тайный сигнал. Жильбер!

Жильбер был немного выше Джефферсона, иначе говоря, невысок. Первое, что бросалось в глаза в его облике, – неизменно сияющая улыбка свина, счастливого до поросячьего визга. Джефферсону частенько думалось, что он никогда не встречал никого, столь же одаренного способностью радоваться жизни. Своего рода чемпион по солнечному настроению, которому даже тренироваться не надо, потому что он таким уродился.

– Что за цирк? – со смехом спросил Жильбер. – Только что около твоего дома меня цапали три жандарма. Спросили, кто я такой, а когда я сказал...

– Погоди, – перебил его Джефферсон. – Сейчас все расскажу. Сначала дай-ка мне вот это.

– А, да. На, держи. Это мои. Штанины тебе будут длинноваты, ну ничего, подвернешь. Заметь, я ничего не спрашиваю и даже не улыбаюсь. Видишь хоть тень улыбки? То-то же.

Секунды три он сохранял серьезность, а потом расхохотался. Джефферсон пожал плечами.

– Я получил твою эсэмэску, но утром к тебе и не собирался, зубрил ПДД, – продолжал Жильбер, протягивая ему штаны, которые принес свернутыми под мышкой, и скромно отворачиваясь, чтобы Джефферсон мог переодеться. – А ты знал, что при круговом движении на площади надо обязательно держаться в правом ряду, если намереваешься...

Джефферсон вспомнил, что его другу с годами надоели уходящие из-под носа автобусы, вечно ломающиеся скутеры и пешая ходьба и ему втемяшилось получить водительские права –

затея более чем дерзкая при его-то неуклюжести: вряд ли его можно было пустить за руль чего бы то ни было, кроме машинок в парке аттракционов.

– Прости, Жильбер, – перебил он, – я что-то не понял, при чем тут площадь... Жандармы у тебя забрали мобильник, так?

– Ну да, я им сказал, что я твой друг, а они, представляешь, как увидели, что я пишу эсэмэску, взяли и забрали его, гады! А потом сразу вернули, чтоб я назначил тебе встречу. Прямо так и приказали. Только я, не будь дурак, понял твою хитрость с шариками, да еще, чтоб тебя предупредить, нарочно навалял ошибок.

– Ты про запятые?

– Ну да. Ха, наставил их там и сям, как попало. Ладно, так чего им от тебя надо?

То, что ему предстояло сказать, было настолько чудовищно, что Джефферсон помедлил с ответом. Он застегнул на штанах последнюю пуговицу, свои забросил за куст и потянул друга за собой к замшелому поваленному стволу, на котором они и уселись.

– Жильбер, я... меня обвиняют в убийстве.

Поскольку он уже успел потренироваться, ему удалось более или менее связно повесть о роковом стечении обстоятельств, которое привело его к безжизненному телу господина Эдгара. Дойдя до ножниц, торчавших в груди славного барсука, он разрыдался.

– Да, ничего себе... – протянул Жильбер, – барсукоубийство...

Дальше Джефферсон рассказал о своем отчаянном бегстве, а в заключение, сморкаясь в платок, объявил:

– Я решил сдаться. Пойдем со мной, прямо сейчас.

Жильбер выслушал его – в кои-то веки раз без единого смешка. Потом в наступившем затем молчании медленно, как замороженный, помотал головой, постепенно расплываясь в блаженной улыбке, а потом выпалил поразительное и совершенно неожиданное «Класс!».

– Что?

– Класс, говорю! Это ж с ума сойти! Сам подумай! Сколько лет мы мечтали, чтоб случилось что-нибудь необыкновенное, сколько придумывали себе всяких дурацких приключений – ну, понарошку. И вот оно, есть! На самом деле!

Джефферсон, по правде говоря, до сих пор не рассматривал ситуацию под таким углом.

– Ты что, рехнулся? – простонал он. – Подумай головой! Меня же повесят, или гильотинируют, или расстреляют. Или все сразу!

– Прекрати, Джефф. Ты что, забыл – смертную казнь давно отменили! Ну, дадут тебе, самое большее, тридцать лет. Время быстро пролетит. А я тебя буду встречать у выхода из тюрьмы с букетиком одуванчиков и с ходунками.

– Жильбер, мне не до смеха.

– Ладно. Не смеемся. Но сдаваться тебе не надо.

– Это почему?

– Да потому, милый мой ежичек, что если только и есть что твое слово против слова такой почтенной козы, то кому, как ты думаешь, поверят? По-моему, выход только один.

– Какой?

– Тебе надо затаиться и посмотреть, как будет продвигаться расследование. Хижину сейчас подлатаем, и ты сможешь в ней спать. Вечером притащу тебе одеяло и еду. Вперед, за работу!

Не дожидаясь ответа, он принялся водворять на место сучья, служившие стропилами. При этом то и дело повторял: «Ну класс!» – и Джефферсону ничего не оставалось, как тоже взяться за дело.

Когда каркас был худо-бедно восстановлен, они очистили помещение от колючек, покрыли крышу охапками папоротника и заделали стены густолиственными ветками.

– Ну вот, господин Джефферсон! Прямо как в старое доброе время! Прячься тут и жди меня. Я вернусь еще засветло. На, оставляю тебе куртку, если, мало ли что, начнет холодать, а меня что-нибудь задержит. Про мобильник, ясное дело, забудь. И не переживай, докажем мы твою невиновность.

Уже отойдя метров на двадцать, Жильбер обернулся и добавил с неизменной улыбкой:
– Жалко-то как господина Эдгара. Такой хороший был дядька...

Джефферсон не сомневался, что тот искренне огорчен. Он достаточно хорошо знал Жильбера и помнил, что грусть у него иногда проявляется так, что и не догадаешься.

Остаток дня он скоротал за всякими делами. Выстирал свои штаны в ручье и повесил на скалу сушиться. Навел уют в хижине, затащил в нее пень, чтобы было на чем сидеть, и соорудил постель из мха и сухих листьев. Но вот в лесу совсем стемнело, настала ночь, а Жильбер хоть бы пяточек показал. Пришлось Джефферсону угнездиться на своем самодельном ложе, укрывшись от холода и страхов курткой друга и гадая, что с ним могло приключиться. Сон сморил его среди путаницы мыслей, где смешались окровавленные ножницы и оставленная в духовке картошка.

3

Ни свет ни заря Джефферсон проснулся от холода, голодный и дрожащий. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, где он находится и почему. Немедленно желудок у него сжался в твердый комок. Он – преступник, его разыскивают жандармы. Это его-то, чье самое серьезное правонарушение состояло в краже трех ирисок в деревенской лавке, когда он был сопливым мальцом! С ума сойти. Ежик снова подумал, что лучше сдаться. Вот придет Жильбер, и они вместе отправятся в жандармерию.

А пока он пошел поискать каких-нибудь ягод, чтоб утолить голод, но попалось ему всего лишь три сморщенных черничины – только пальцы запачкал. Он сходил к ручью, попил и умылся. Вернувшись в хижину, порылся в рюкзаке – и там его ожидал приятный сюрприз: книга «Один на реке», которую он вчера забыл дать Жильберу.

От нечего делать он принялся листать книжку и наткнулся на то место, где Чак просыпается – а у него за пазухой, прямо на груди, расположился двадцатисантиметровый паук-птицеед. Он цепенеет от ужаса и, стараясь не шевельнуться, тихонько уговаривает: «Прошу тебя, паук, пожалуйста, не трогай меня...» Промаявшись так битый час, он понимает, что паук просто спит – нашел себе теплое местечко. Миллиметр за миллиметром Чак перемещает ядовитую тварь, потихоньку, чтоб не разбудить, а освободившись, принимается бегать взад-вперед, как шальной, и вопить от радости, что остался жив. Прочитав этот эпизод, Джефферсон воспрянул духом. Как-никак, у него все-таки не спит на груди паук-птицеед – пока, по крайней мере.

Чуть только первый солнечный луч пробился сквозь листву бука, появился Жильбер. Он трусил к хижине с рюкзаком на одном плече, размахивая свежим номером «Рупора».

– Джефф, Джефф! Ты теперь знаменитость!

Джефферсон выхватил у него газету и развернул, уверенный, что увидит свой портрет на первой полосе, но портрета не было. Только интерьер парикмахерской с меловым контуром тела господина Эдгара на полу. Огромный заголовок занимал весь верх страницы: «ТРАГЕДИЯ В “ЧИК-ЧИК”». Была еще фотография на вставке – та самая коза, уже без бигуди, но с искаженным от волнения лицом и с четырьмя микрофонами, подсунутыми к ее бороде.

– Читать будешь или есть? Я тебе принес три булочки с шоколадом, три круассана с миндалем и три банана. Чтоб было сбалансированное питание. И еще термос с горячим какао! Сойдет?

Джефферсон, у которого вот уже сутки крошки во рту не было, от одного только перечня блюд едва не потерял сознание.

– Давай сюда, я буду есть, а ты мне читай.

Они уселись на тот же ствол, что и вчера, и Жильбер выложил из фирменного бумажного пакета слегка помятую выпечку. Джефферсон жадно набросился на булочку с шоколадом, пояснив, что банан чистить слишком долго.

– Ладно. Внимание, читаю, – объявил Жильбер. – «Вчера около десяти часов утра в жандармерию нашего города поступил сигнал от госпожи Кристиансен (козы) о тяжком преступлении, совершенном в парикмахерской “Чик-чик” на улице Тюпинери. Прибыв на место происшествия, жандармы (доги) могли лишь констатировать, что парикмахер господин Эдгар (барсук) мертв. Орудием убийства послужили ножницы, которые преступник оставил на месте преступления. Согласно заявлению госпожи Кристиансен (см. фото), убийца – молодой Дж. Б. (еж), который скрылся сразу после совершения преступления».

– И что она говорит, эта мадам?

– Погоди, сейчас. Ага... вот что она говорит: «Это был такой ужас! Я видела, как он вонзал ножницы в господина Эдгара. Раз пять, не меньше! Я закричала во весь голос, тогда он

установился на меня, ухмыляясь, и я поняла, что сейчас он и на меня набросится. Мне удалось убежать, но я до сих пор вся дрожу. Этот злодей...»

– Да что она такое блеет! – задыхнулся Джефферсон, выкашливая попавшее не в то горло какао. – Чистое вранье. Она не имеет права!

– Не знаю, как насчет права, – заметил Жильбер, – но читатели, похоже, склонны ей верить. Я слышал, как кондитерша судачила с покупателями, поминая того серийного убийцу, который порешил кучу народу. Как бишь его звали-то?

– Алекс Врахил? Да это же было в XIX веке! И он был сумасшедший!

– Ну да, абсолютный псих, он расписывался под каждым убийством, выкладывая свою монограмму из кишок жертвы. Но при этом, видишь ли, Джефф, он был еж, как это ни печально. А публика, знаешь, она такая... Скажут, что это, мол, у ежей в крови. И вот еще что, братец ты мой, и это тебя доконает, заранее предупреждаю: эта госпожа Кристиансен – она жена судьи Кристиансена, знаешь, того козла, который рогатым всегда дает поблажку, а с другими разбирается ох как жестко. А у тебя, сколько ни гляди, ну никаких даже малюсеньких рожек...

– О не-е-ет, – простонал Джефферсон, надкусывая второй круассан.

Решение пойти сдать теперь представлялось куда менее благоразумным. Нет никаких шансов, что ему поверят. Жильбер догадался, о чем он думает.

– Слушай, ежик, я тут пораскинул мозгами, и вот какая у меня идея: единственный способ снять с тебя обвинение – самим поймать убийцу и поднести его жандармам на блюдечке. Как тебе такой план?

– Жильбер, но мы же не сыщики! К тому же мне даже показаться нигде нельзя. Не сегодня завтра мой портрет с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРЕСТУПНИК» развешат по всему городу. Даже есть расхотелось, – уныло добавил он, бросая через плечо кожуру третьего банана.

– Тем более что ты уже все поддел, – заметил Жильбер. – Да ладно тебе, не вешай нос. Все же из этой газеты я узнал и кое-что хорошее: представляешь, Кароль вчера утром в парикмахерской не было! У нее ларингит, и она не вышла на работу. Может, эта болезнь ей жизнь спасла.

Джефферсон только сдержанно кивнул. Он не собирался открывать свое глубокое чувство к юной барсучихе – даже лучшему другу. Но узнать, что она в безопасности, было для него огромным облегчением. Несомненно, именно поэтому он не отверг с ходу столь безумную затею – самим взяться за расследование.

– Конечно, ты не можешь прямо так показаться в городе, – продолжал Жильбер, – но я все продумал. Внимание, барабанная дробь: пойдешь переодетым.

– Переодетым! Ну уж нет! И кем я, по-твоему, должен вырядиться? Бараном, цесаркой, стрекозой?

– Ни тем, ни другим, ни третьим. Ты нарядишься своей сестрой.

– Что-что?

Вместо ответа Жильбер полез в рюкзак и выгреб оттуда беспорядочную кучу барахла: белую юбку средней длины с ярко-желтой отделкой, небесно-голубую блузку, легкие туфельки, белокурый парик, а еще дамскую сумочку и косметичку.

– Это же вещи Челси! – пискнул Джефферсон, узнав одежду сестры.

– А я чего говорю! Я к ней зашел и все ей рассказал. Она молодец, сестренка твоя, честное слово. Ни минуты не колебалась. И главное, вы с ней одного роста!

Джефферсон на какое-то время онемел; потом зажмурился и прошептал:

– Жильбер, даже на четверть тысячемиллионной доли секунды я не надену одежду моей сестры.

– Ну и ладно, – отрезал Жильбер. – Уговаривать не стану.

Он подхватил рюкзак и скрылся в хижине. Джефферсон слышал какую-то возню, шуршание ткани, перемежаемое ругательствами, потом заключительное «вж-жик» застежки-молнии. Наконец завеса листвы раздвинулась, и от вида представшего перед ним создания у него буквально перехватило дух.

– Да, я заходил к твоей сестре, но и к своей тоже, – объявил Жильбер девичьим голоском. – А ты как думал? За мной ведь тоже следят! Как-никак лучший друг убийцы...

На нем было красное кружевное платье, на ногах – чулки и туфли на каблуках, на голове кудрявый парик. И еще он не поскупился на косметику и жирно подвел глаза.

Тут Джефферсона, который со вчерашнего дня весь был одним комочком панического страха, одолел такой смех, что он никак не мог остановиться. И всякий раз, как ему удавалось хоть немного успокоиться, от одного взгляда на Жильбера он снова закатывался.

– Извини, это нервное...

Договориться до чего-то путного оказалось нелегко. С одной стороны, потому что затея Жильбера была безумной. С другой стороны, потому что безумная затея, которую отстаивает парень, наряженный девчонкой, выглядит вдвойне безумной.

– Понимаешь, Джефф, по-хорошему нам бы побывать на месте преступления и поискать там улики, но это, к сожалению, доступно только настоящим жандармам, а не такой шантрапе, как мы. Надо нам... да можешь ты не ржать, когда я говорю?

– Прости, но я как гляну на тебя... Может, ты хоть парик снимешь?

– Ладно. Так вот, я говорю: раз у нас нет доступа в «Чик-чик», надо подойти к делу с другой стороны. Мы должны выяснить мотив преступления. Господина Эдгара убили не просто так, и надо во что бы то ни стало узнать о нем как можно больше, чтоб разобраться, что за этим стоит. А поскольку его самого уже не спросишь, я подумал насчет Кароль. Проблема в том, что мы не знаем, где она живет.

– Я знаю.

– Знаешь? Откуда? Ты что, ее провожал?

– Нет! То есть... ну, на расстоянии, чисто из любопытства...

– Поня-а-а-тно...

– Ничего тебе не понятно.

По мнению Джефферсона, не было ни единого шанса, что она согласится их принять, но Жильбер уперся. У него был свой план.

Когда около десяти часов утра они пустились в путь, спрятав в хижине свою мужскую одежду, всякий случайный встречный принял бы их за двух невинных девушек, гуляющих по лесу.

В город они вошли нетвердой походкой, особенно Жильбер, у которого туфли были мало того что на каблуках, а еще и немилосердно жали. Когда они ковыляли через городской парк, два молодых свина, взгромоздившиеся на спинку уличной скамейки, приветствовали их наглыми ухмылочками и зазывным свистом.

– Тьфу ты, до чего это, оказывается, отвратительно, – возмущался Джефферсон, стараясь не оглядываться. Я как-то раньше не обращал внимания... Больше так делать не буду.

– А ты так и не делал, – заметил Жильбер.

– Тоже верно. Тогда, скажем, и никогда не буду так делать.

4

Кароль жила в ухоженном доме недалеко от центра. На почтовом ящике значились ее имя и этаж – четвертый. Пока они поднимались в лифте, Жильбер посоветовал Джефферсону по возможности помалкивать – если встреча вообще состоится. А то как бы Кароль не узнала его по голосу. Ему, Жильберу, вести разговор сподручней.

На лестничной площадке они поправили друг на друге одежду, отчего Джефферсона чуть снова не одолел приступ смеха. Жильбер постучал в дверь. Они услышали хриплый кашель: «Кх-хах! Кх-хрумф!» – потом шаги и догадались, что их разглядывают в глазок.

– Кто вы? Что вам нужно? – послышался голос, приглушенный ларингитом и толщиной двери.

– Мы проходим стажировку в ежедневнике «Рупор», – старательно выговорил Жильбер голосом, который он считал девичьим, – и хотели бы поговорить с вами несколько минут.

– Мне нечего вам сказать. Я болею, кх-кхах!

Жильбер предвидел такую реакцию и заранее подготовил контраргументы.

– Понимаете, мы бы не хотели, чтоб про господина Эдгара болтали невесть что. Ваше свидетельство, мадемуазель, очень важно. Вы его племянница. Вы хорошо его знали. И потом, мы в газете такие же стажеры, как вы, насколько я знаю, в парикмахерской...

Жильбер подмигнул Джефферсону. Вот он и пустил в ход свое секретное оружие. Молодые стажеры должны проявлять солидарность, как же иначе?

– Я болею, – повторила Кароль.

И после недолгого молчания:

– Ну ладно. Но только несколько минут. И никаких фотографий.

– Конечно-конечно! – радостно заверил Жильбер.

Очень скоро стала понятна причина последнего запрета: Кароль, которая открыла им дверь, имела очень мало общего с изящной, аккуратной Кароль из парикмахерской. Она была в халате и шлепанцах, непричесанная, ненакрашенная. Глаза красные – и от болезни, и, несомненно, от слез. Что же касается голоса, он был примерно как у осленка, который учится реветь, но у него не получается. Все это, однако, не помешало Джефферсону счесть ее очаровательной. То было очарование, менее бросающееся в глаза, но более берущее за душу, вот и все.

– Репортерские удостоверения показать? – спросил Жильбер, едва переступив порог.

Джефферсон чуть за голову не схватился. Ну какая нелегкая дернула этого дурня предлагать чего не просят?

– Да, пожалуйста, – сказала Кароль. – Извините, но – кха-кх-хах! кхах! – мне и правда так было бы спокойнее.

Оба принялись рыться в сумочках, а хозяйка отошла взять бумажный платочек из пачки, лежащей на столике в гостиной. Джефферсон испепелил друга взглядом. Провалить расследование, не успев к нему приступить, в первые же секунды, – это был высший пилотаж! Теперь оставалось только обратиться подобию-поздорову.

Спас их звонок мобильного. Он раздался, когда Кароль, сморкаясь, возвращалась в прихожую. Она знаком извинилась перед ними и пошла к телефону. Несмотря на расстояние, им было слышно, как она кого-то благодарит, заверяет, что с ней все в порядке, что не надо за нее беспокоиться. По-видимому, звонила какая-то подружка.

– Ладно, прощаюсь, – сказала она наконец, – ко мне тут пришли... две молодые журнальщицы, из «Рупора».

То ли, обозначив так посетителей, она в каком-то смысле узаконила их статус, то ли что – во всяком случае, когда Кароль вернулась, об удостоверениях речь больше не заходила. Она успела про них забыть.

– Садитесь, – пригласила она, указывая на диван в цветочек. – Не обращайте внимания на беспорядок.

Как правило, так говорят маньяки-аккуратисты. У Кароль царили чистота и порядок, и Джефферсон оценил это по достоинству. Усаживаясь рядышком, посетители столкнулись с проблемой: как сидеть, когда на тебе платье или юбка? Ногу на ногу? Ноги вместе? В итоге оба плотно сдвинули коленки и пристроили на них блокноты.

– Ну хорошо, – начал Жильбер. – Расскажите, пожалуйста, о вашем дяде.

– О, дядя Эдгар... он был...

Она искала и не находила слов. Конечно, должно было пройти больше времени, чтобы свыкнуться с его смертью и говорить о нем. От трагедии бедную девушку отделяли всего несколько часов и бессонная, без сомнения, ночь.

– Он был... спокойный. Надежный. Он содержал эту... кх-хах! кху!.. парикмахерскую вот уже больше сорока лет, представляете. Он говаривал, что у него здесь «сильная фиксация» и что для парикмахера это важно. Любил играть словами, получалось не всегда складно, но ему казалось смешно. Бывало, хохотнет в свой двойной подбородок, а мы... кха-хах! кха-кху!.. а мы смеемся, на него глядя. Как-то раз один клиент...

Чем дальше, тем доверчивее она становилась, и чем дальше, тем сильнее хотелось Джефферсону снять парик и во всем ей признаться. Ему не по душе было обманывать вообще, а обманывать Кароль – особенно. Жильбер – тот подобной щепетильностью не страдал. Он подбадривал рассказчицу сочувственными «а... да-да...» и знай строчил в своем блокноте. Джефферсон, сидевший с ним бок о бок, видел, что на самом деле он ничего не записывает, а калякает случайно выхваченные слова без складу и ладу: «машина, приходили, много» или даже вообще бессмысленные подобию слов: «гроолнтаи... стонадртиаж...»

У Кароль опять зазвонил мобильник. Она взглянула на экран и встала.

– Простите. Это моя тетя.

На этот раз она ушла в кухню, но две псевдожурналистки и оттуда слышали ее севший, хриплый голос:

– Да, тетечка, я ничего... нет, не спала... ты, я думаю, тоже... кх-хах! кху!.. нет, тетечка, больше ничего не знаю... да нет, что толку... да, тетечка... я знаю... знаю... кх-хах! Кх... кх-кху!.. да, я тоже...

Джефферсон и раньше замечал, что в горе многие способны подолгу сдерживать слезы, но, когда начинают с кем-то говорить, плотину прорывает. И чем сильнее они любят того, с кем говорят, тем неудержимее слезы. Так что, подумал он, Кароль, видимо, очень любит свою тетю. От сопереживания он сам готов был разрыдаться, всхлипнул было, но Жильбер дал ему хорошего тычка, напомнив о его роли: журналистки не плачут перед теми, кого интервьюируют.

Когда Кароль вернулась в гостиную, вид у нее был еще хуже прежнего. Она села, проглотила какую-то таблетку, запила водой.

– Это была моя тетя.

Они немного помолчали, потом Жильбер, как истый профессионал, вернулся к интервью:

– Все, что вы нам рассказали, мадемуазель, наводит на мысль, что у вашего дяди было мало недоброжелателей, и возникает вопрос...

– Мало недоброжелателей? Да у него ни одного не было. Нет, я думаю, что у этого ежа просто случился приступ... кха-кх! кха-хах-кхух!.. приступ мании убийства. Вы простите, мадемуазель, – обратилась она к Джефферсону, – я знаю, что нельзя делать обобщений. Я и не делаю. Но ведь... кха-кх! хах!.. всем сразу вспоминается тот еж, ну, маньяк, который убил восьмерых...

– А, да, Алекс Врахил, – сказал Жильбер. – Минуточку, но это же было больше ста лет назад, и он был сумасшедший!

– Да, конечно, конечно. Но как иначе это можно объяснить? Я ничего не понимаю. К нам в парикмахерскую ходили многие ежи, и я к ним ко всем хорошо относилась, но этот – ну, тот, кого обвиняют в убийстве, этот господин Джефферсон, так вот он... даже сказать не решаюсь...

– И все же?... – подтолкнул Жильбер.

– Я должна признаться... он мне нравился... как-то особенно.

Жильбер украдкой покосился на «коллегу-журналистку» с едва заметной усмешкой. Кароль уронила голову на руки и залилась слезами. Джефферсон окончательно перестал понимать, на каком он свете. Прямо классическая трагедия: герой (Джефферсон) ложно обвинен в убийстве того (Эдгара), кто приходится дядей его любимой (Кароль), а на следующий день, переодевшись девушкой, узнаёт, что она к нему равнодушна. Вот и поди тут разберись! Есть от чего одновременно воспарить на седьмое небо и пасть духом. Короче говоря, одно было ясно: ситуация тупиковая, так что он только и мог, что склониться пониже над своим блокнотом.

Жильбер – тот и не думал падать духом.

– А скажите, мадемуазель... я понимаю ваше горе и ваш гнев, но давайте представим, что этот молодой еж, на которого пока распространяется презумпция невиновности, в результате расследования окажется действительно невиновен, – что вы тогда...

И тут все пошло прахом. Кароль так шмыгнула носом, что ничье сердце не выдержало бы, и Жильбер наклонился, чтобы достать ей бумажный платочек из коробки, стоящей на журнальном столике. Потянувшись за платочком, он опрокинул стакан с водой, и у него вырвалось однозначно мужское «блин!». Кароль подняла голову, изумленная неожиданно низким голосом. Жильбер поскорее сел прямо, и от резкого движения его парик крутанулся. Челка съехала набок, а кудрявые локоны завесили лицо. У Кароль глаза и рот стали круглыми:

– Что это зна...

Тут Джефферсон решил, что с него хватит. Он больше так не мог. Он медленно поднял руку и снял парик, освободив тем самым свой хохолок, который тут же встал дыбом.

Кароль вскочила и закричала, словно увидела привидение:

– Не-е-ет! Господин Джефферсон! Не-е-ет!

– Прошу вас, – взмолился он, – пожалуйста, не пугайтесь. Я... я не опасен.

Едва дыша, побелев как полотно, она примеривалась, куда бежать, если он на нее бросится.

– Клянусь вам, я не убивал вашего дядю, я сейчас все объясню, – уговаривал Джефферсон, и, глядя на него, трудно было представить, что он способен убивать, – разве что время.

В конце концов она все-таки села, обессиленная болезнью и потрясением. Они тоже усе-лись обратно. Жильбер протянул ей бумажный платочек, с которого все и началось, Джеффер-сон сходил на кухню за губкой, чтобы вытереть стол, и принес стакан свежей воды:

– Держите. Вот, попейте и выслушайте нас. Мы вам сейчас все объясним.

Он поведал о своем ужасном открытии в «Чик-чик» и о бегстве. Рассказ был уже отра-ботан, но говорил он так, как говорят только чистую правду, и не поверить ему было невоз-можно. Дальше рассказывал Жильбер – об их тайном лесном убежище и о решении пере-одеться и самим взяться за расследование. Кароль слушала разинув рот и, когда они замолчали, глубоко вздохнула.

– Благоразумие... кх-хах! кхах!.. благоразумие требует немедленно позвонить в жандар-мерию и выдать вас, но кое-что мешает мне так поступить, а именно...

Тут она закашлялась всерьез и надолго, так что больно было слушать:

– Кх-х-хах-кхрумф! Кхух! Кх-кх-кхах! Кхрумф! Кхаха-кх! Кхх-хах! Кхух! Кх-хах! Кх-х-хах-кхрумф! Кхух! Кх-кх-кхах! Кхрумф! Кхаха-кх! Кх-х-хах! Кхух! Кх-хах! Кх-х-хах-кхрумф! Кхух! Кх-кх-кхах! Кхрумф! Кхаха-кх! Кх-х-хах! Кхух! Кх-хах!

Она совсем побагровела, на лбу выступил пот, и ей пришлось отереть лицо, прежде чем продолжить:

– ...а именно то... что я вам верю. И вы, по-моему, прямо героини... простите, герои. К несчастью, боюсь, как бы свидетельство госпожи Кристиансен не перевесило все, тем более что ее муж... кх-кха-кхрумф!..

– Мы знаем, мадемуазель, – поспешно вставил Жильбер, чтобы избавить ее от лишних усилий, – потому-то мы и хотим сами найти убийцу. Беда в том, что мы почти ничего не знаем о господине Эдгаре. Нам нужна хоть какая-то зацепка, чтоб начать расследование, понимаете? Неужели в его жизни не было совсем ничего такого, как бы это сказать... что не укладывается в одну только тишь да гладь?

Кароль задумалась.

– Вообще-то есть кое-что... кх-кхах! – но это, я уверена, не имеет никакого значения, и я даже не знаю, стоит ли...

– Пожалуйста! – вырвалось у обоих.

– Ну ладно, так вот... кха-кх-х! Кхах! По понедельникам парикмахерская оставалась закрытой.

В этой информации друзья ничего особенного не усмотрели и ждали продолжения.

– Дело в том, что дядя... как бы вам сказать... он куда-то исчезал.

– Как это исчезал? – удивились гости безупречным дуэтом.

– Ну, вот уже примерно два года каждое воскресенье он садился в поезд, а возвращался только во вторник утром к открытию.

– А... А куда он ездил?

– Никто не знает. Это была его... кх-кхах! кхах!.. его тайна.

– А не может так быть, то есть я хочу сказать... что, если господин Эдгар, при всем моем к нему уважении...

– Нет. Я понимаю, что вы имеете в виду, но для всякого, кто его знал, такое предположе-ние смеху подобно. Мой дядя не был бабником. Никаких интрижек у него не было. Он обожал тетю. Нет, это исключено.

– Ну что ж, – сказал Жильбер. – Хилогато, но хоть есть с чего начать. Ладно, мадемуа-зель Кароль, мы пойдем, вам надо отдохнуть и лечиться. Большое спасибо, что приняли нас, несмотря на вашу горе. А мы сделаем все возможное, чтоб доискаться до правды, скажи, Джеф-ферсон?

Джефферсон кивнул. Оба встали и двинулись к выходу.

– Уда... кх-кхах!.. удачи вам! – прокашляла Кароль, но, когда они уже закрывали за собой дверь, придержала ее. – Погодите, я... может, я не права, но что-то побуждает меня довериться вам. Инстинкт, наверно. Есть одна вещь... кх-хах! кх-кха! кхрумф!.. которую я хотела бы вам показать.

Она скрылась в комнате, которая, видимо, была ее спальней, через несколько секунд вернулась с конвертом и протянула его Джефферсону:

– Возьмите. Посмотрите потом. Дядя, когда куда-нибудь ездил, всегда присылал мне оттуда открытки. Понимаете, детей у него не было, и я – его единственная племянница. Здесь последняя, которую я от него получила. Отправлена всего три недели назад. Может быть, она... кх-кхрумф! кх-хах!.. наведет вас на какой-нибудь след. Пусть будет у вас, только не потеряйте и, будьте так добры, верните, когда сможете. Она мне очень дорога.

– Обещаю, – сказал Джефферсон, растроганный тем, что она доверила открытку не Жильберу, а ему. В этом было что-то личное, какая-то почти близость.

Он спрятал конверт в сумочку.

– И еще, – просипела Кароль последними остатками голоса, – если решите еще раз наряжаться девушками, будьте внимательнее с макияжем, а то это... кха-хух! кх-кхрумф!.. просто никуда не годится. Например, тона поменьше, а то можно подумать, вы перемазались арахисовым маслом.

В лифте они снова напялили парики и постарались выйти из дома с самым непринужденным видом. В парке те же два свина-приставалы, которые так и сидели, словно приклеенные к скамейке, опять принялись ухмыляться и свистеть.

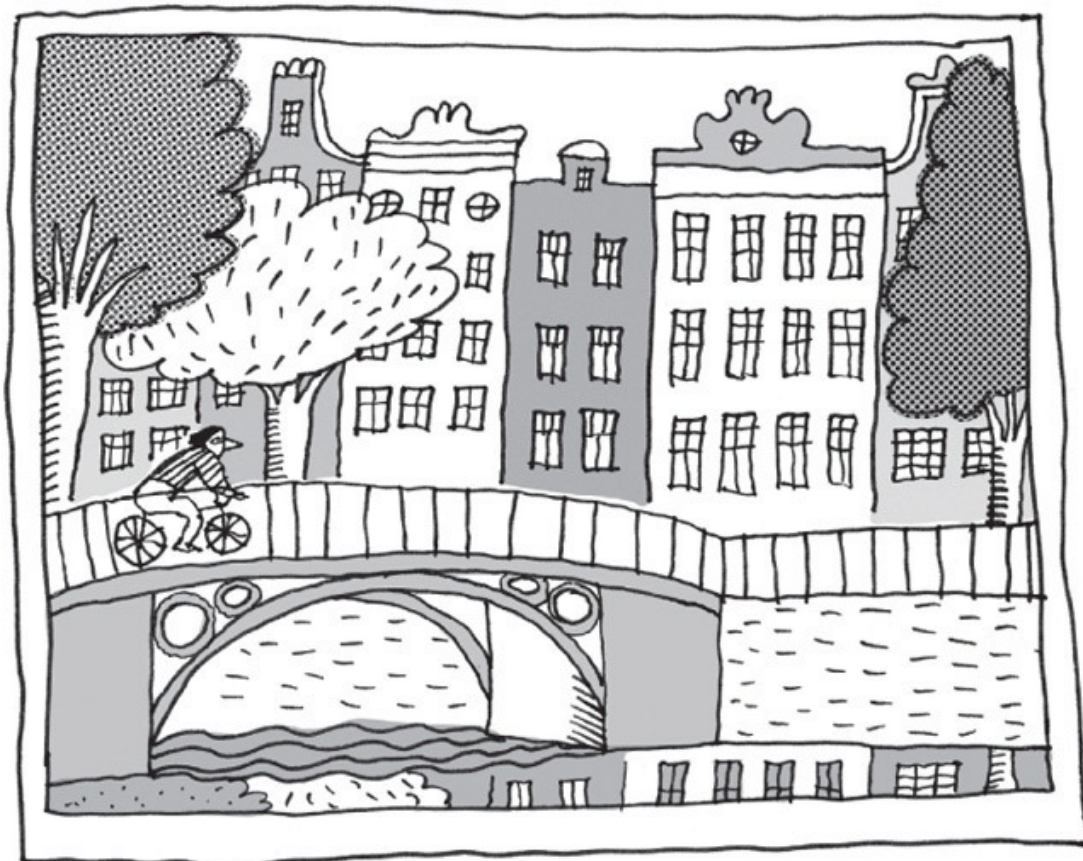
– Они позорят всю нашу породу, – кровожадно хрюкнул Жильбер. – Может, набить им морду? Получить в пятак от девчонок – они бы надолго запомнили!

– Брось, – шепнул Джефферсон, подхватив его под руку и увлекая прочь. – Нам нельзя привлекать к себе внимание.

Он был рад, что нашелся такой благовидный предлог, потому что терпеть не мог драться. Оставшуюся часть города они миновали без приключений, стараясь поскорее укрыться от посторонних взглядов. Едва оказавшись снова в лесу, Жильбер сбросил туфли, и друзья потрусили восвояси.

5

Это была открытка с каким-то городским видом. Изысканный пешеходный мост через канал, вдоль канала – старинные дома с разукрашенными фасадами. Деревья в осеннем золоте, отражающиеся в воде. Велосипедисты.

– Очень красиво, – оценил Жильбер. – Очень романтично. И что? Тебе это о чем-нибудь говорит?

Они сидели на том же поваленном дереве около хижины, уже в своей одежде. Джефферсон покачал головой:

– Нет. Я бы сказал, что это где-то у людей, но где именно...

Он перевернул открытку:

– Есть! Это Вильбург.

– Вильбург? Это что?

– Город такой. Большой. Очень привлекательный для туристов. С замечательным собором, насколько я помню. С речкой, каналами, мостами...

– И откуда ты все это знаешь?

– Я-то на географии не кемарил около батарей.

Марка и почтовый штемпель свидетельствовали, что открытка отправлена как раз оттуда. Почерк у дяди Эдгара был аккуратный, разборчивый.

«Милая моя Кароль, с этим городским пейзажем шлю тебе самый нежный привет. Посмотри, какие прекрасные вещи могут делать люди. Увы, они могут также До скорой встречи дома. Целую. Твой дядя Эдгар».

Обоих, само собой разумеется, удивила эта неоконченная фраза, зачеркнутая, однако легко читаемая. Было ли это сделано умышленно? Жильбер считал, что нет. По его мнению, дядя, собравшись было что-то сообщить племяннице, вдруг передумал, но, поскольку марка была уже наклеена, просто зачеркнул лишнее. Наскоро, не обратив внимания на то, что зачеркнутое можно прочесть. И не надо искать в этом какой-то особый смысл. Джефферсон, наоборот, считал, что это как раз было вполне осмысленное и осознанное действие. Господин Эдгар был аккуратист и ничего не делал кое-как. Если он в самом деле не хотел, чтоб Кароль прочла эту оборванную фразу, он вымарал бы ее совсем или, скорее, выбросил бы открытку и написал новую начисто. Уж не такой он был бедный, чтобы экономить на такой мелочи. Нет, тут он хотел что-то сообщить, якобы не сообщая, – и сообщил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.